

Дневник Анны Франк

Перевод с нидерландского
Риты Райт-Ковалёвой

ФТМ

Анна Франк

Дневник Анны Франк

«ФТМ»

1944

Франк А.

Дневник Анны Франк / А. Франк — «ФТМ», 1944

ISBN 978-5-4467-3088-9

Эта книга не может оставить равнодушным никого. Отбросив нас на 75 лет назад в период нацистской оккупации Нидерландов, дневник Анны Франк повествует о том, как несколько еврейских семей пытались выжить в тайном убежище, скрываясь от гестапо. День за днем еврейская девочка в своем дневнике рассказывает вымышленной ею подруге Китти всё, что происходит с ней и с другими обитателями убежища, записывая в него свои самые сокровенные мысли, горести и радости. Ее детская жизнь по воле взрослых быстро стала недетской, превратив дневник девочки в значимый документ и в обвинительный акт. Последняя запись в дневнике датирована 1 августа 1944 года, вскоре гестапо по доносу арестовало всех обитателей убежища. Судьба Анны и ее семьи трагична – все погибли в концлагере, лишь одному отцу девочки Отто Франку чудом удалось выжить, после освобождения из концлагеря вернуться в Нидерланды и найти дневник. В 1947 г. записи были изданы тиражом в 3000 экземпляров. Дневник 6 раз переиздавался и был переведен на 67 языков мира. В 2009 году дневник Анны Франк был признан объектом реестра «Память мира» ЮНЕСКО.

ISBN 978-5-4467-3088-9

© Франк А., 1944

© ФТМ, 1944

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к голландскому изданию	8
*****	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дневник Анны Франк

Предисловие

Судьба этой книги необычна. Она вышла в Голландии десять лет назад, переведена на семнадцать языков, разошлась в миллионах экземпляров. Из нее сделали пьесы, кинокартины; о ней писали исследования.

Это не роман прославленного писателя, это дневник тринадцатилетней девочки; но он потрясает читателя больше, чем мастерски написанные книги.

Всем известно, что гитлеровцы убили шесть миллионов евреев, граждан двадцати государств, богатых и нищих, знаменитых и неизвестных. Атомная бомба упала на Хиросиму внезапно, от нее нельзя было укрыться. Гитлеровцы в течение нескольких лет устраивали облавы на миллионы людей, как устраивают облавы на волков. Евреи пытались скрыться, прятались в ямах, в заброшенных шахтах, в щелях городов; дни, месяцы, годы они ждали расправы. Шесть миллионов были удушены в газовых камерах, расстреляны в ярах или на фортах, обречены на медленную смерть от голода. Они были отделены от мира стенами гетто, колючей проволокой концлагерей. Никто не знает, что они думали и чувствовали. За шесть миллионов говорит один голос – не мудреца, не поэта – обыкновенной девочки.

Анна Франк вела дневник, как это часто делают девочки ее возраста; в день рождения ей подарили толстую тетрадь, и она начала записывать события детской жизни. Детская жизнь по воле взрослых быстро стала недетской. Дневник девочки превратился и в человеческий документ большой значимости и в обвинительный акт.

Что видела Анна? Тесный чердак, где честные и смелые голландцы в течение двадцати пяти месяцев скрывали восемь обреченных: немецкого эмигранта Отто Франка, его жену, двух дочерей – Марго и Анну, чету ван Даан, их сына Петера, зубного врача Дусселя.

В пьесе Сартра «При закрытых дверях» ад оказывается обыкновенной комнатой, где навеки заперты трое грешников. Восемь человек жили в «убежище», пререкались, ссорились; они не были ни святыми, ни героями, они были самыми обыкновенными людьми; и Анна рассказывает день за днем об их жизни.

Отто Франк родился в Германии, учился в гимназии, потом в университете; в годы первой мировой войны был на фронте; его произвели в лейтенанты; он принял участие в одном из самых кровопролитных сражений возле французского города Камбре. Он говорит, что считал себя немцем; говорит также, что в молодости во Франкфурте, где он жил, ему не приходилось сталкиваться с антисемитизмом. Он думал, что его жизнь крепко налажена. Пришел к власти Гитлер, и все рухнуло как карточный домик. Отто Франку удалось выбраться в Голландию и перевезти туда свою семью. Девочки учились в голландской школе, дружили с голландскими детьми. Отто Франк понял, что ему нужно начать новую жизнь. Он ее строил, и снова все рухнуло: немецкая армия оккупировала Голландию.

Почему ярость фашистов обрушилась прежде всего на евреев? Об этом писали толстые книги, многословно объясняли и все же ничего не объяснили. Множество вековых предрассудков, легенды, похожие на скверные анекдоты, суеверия, возведенные в философскую систему, зависть, тупость, необходимость найти козла отпущения – все это сплелось в одну сеть, которая отрезала Анну от ее маленьких голландских подруг и шесть миллионов людей – от их соседей, соотечественников.

Нет в дневнике Анны ничего такого, чего не написала бы голландская, французская или итальянская девочка. На ее детское платье гитлеровцы нацепили шестиконечную звезду, и она приняла случившееся с глубоким непониманием, но и с глубоким достоинством.

Читая некоторые страницы дневника, улыбаешься, но тотчас улыбка исчезает: слишком ясен конец этой книги. Тринадцатилетняя девочка пишет, что даст книгу, которая ей понравилась, своим детям; рассказывает себе самой, как удивительна жизнь в романах – она, например, никогда не решилась бы остаться с чужим мужчиной... Это пишет ребенок, который растет на глазах, растет в подполье, замурованный. Вот ей уже пятнадцать лет, ей хочется кого-то полюбить, а в «убежище» мальчик Петер, и она внушает себе, что его любит.

В тюрьме, в концлагере люди выдерживали самые ужасные испытания, когда перед ними была цель, когда их увлекала хотя бы иллюзорная деятельность. Что может делать девочка в тринадцать лет? Учиться? Анна пыталась учиться. Играть? И Анна играла – она играла в писательницу. Она вела дневник, сочиняла рассказы, начала писать роман. Это ее приподымало и спасало: из всех игр она выбрала самую трудную, но, может быть, и самую человеческую игру.

Дочитав до конца дневник, читатель, конечно, спросит: «Что стало с Анной?» Эрнст Шнабель проверил документы архивов, разыскал очевидцев и в книге «По следам Анны Франк» рассказал о ее судьбе.

Последняя запись Анны помечена 1 августа 1944 года. Анна пытается понять душевные противоречия... А 4 августа утром в «убежище» ворвались гестаповцы. Скрывавшихся евреев и двух голландцев, обвиненных в укрывательстве евреев, отвезли в тюрьму. Евреев несколько дней спустя повезли в пересыльный лагерь Вестерборк. 3 сентября огромный транспорт евреев был отправлен оттуда в Освенцим. 30 октября Анну и Марго переправили в концлагерь Берген-Бельзен. Марго умерла от истощения в конце февраля 1945 года. Несколько дней спустя умерла Анна.

Мать Анны погибла в Освенциме. Дусселя убили в газовой камере. Петера убили. Умерли супруги ван Даан. Тяжело больного голландца Коопхойса вскоре выпустили. Кралера послали в лагерь Амерсфорт, а в марте 1945 года угнали в Германию; ему удалось скрыться.

Из восьми евреев, скрывавшихся на чердаке, выжил только Отто Франк. Советская Армия, заняв Освенцим, спасла немногих еще не убитых. Отто Франк вокруг Европы – через Одессу и Марсель – вернулся в Голландию, но не нашел никого из близких. Он нашел только дневник Анны...

Гестаповцы искали ценности; ученические тетрадки их не интересовали. Дневник подобрали голландки Элли и Мип.

Хочется к этим сухим справкам добавить два человеческих рассказа.

Де Вик, которая была в пересыльном лагере Вестерборк, рассказывает: «Я видела Анну Франк и Петера ван Даана каждый день. Они были всегда вместе... Глаза Анны сияли... У нее были такие свободные движения, такой прямой и открытый взгляд, что я говорила себе: «Да ведь она счастлива здесь...»

Анна писала в своем дневнике о школьной подруге: «Вчера вечером, когда я уже засыпала, я вдруг явственно увидела Лиз. Она стояла передо мной – оборванная, изнуренная, щеки ввалились. Ее большие глаза были обращены ко мне с укором, словно она хотела сказать: «Анна, зачем ты меня бросила? Помоги же мне! Выведи меня из этого ада...» Анна писала эти строки в ноябре 1943 года, не зная, какова судьба Лиз. А Лиз выжила. Она рассказывает, что в концлагере Берген-Бельзен встретила Анну: «Она была в лохмотьях. Даже в темноте я увидела, насколько она исхудала. Щеки ее ввалились, глаза стали еще больше... И мы плакали с нею, стояли и плакали – нас разделяла колючая проволока...»

Один голос из шести миллионов дошел до нас. Это еще детский голос, но в нем большая сила – искренности, человечности, да и таланта. Не каждый писатель сумел бы так описать и обитателей «убежища» и свои переживания, как это удалось маленькой Анне.

29 марта 1944 года Анна писала: «Вчера министр Болкенштайн говорил по станции «Оранне», что после войны должны выйти дневники и романы современников. Конечно, интересно, если б я вдруг напечатала роман «Убежище». Правда, по названию все подумали бы,

что это – детективный роман! Нет, серьезно. Не покажется ли после войны, скажем лет через десять, невероятным, если рассказать, как мы, еврейская семья, жили тут...»

С тех пор прошло уже не десять, а шестнадцать лет, Анна ошиблась: недавно на стенах европейских городов снова появились знаки свастики. В Западной Германии есть люди, которые громко говорят: «Жалко, что Гитлер их всех не дорезал», – им обидно, почему отца Анны не убили...

Закон «о расовой чистоте» при Гитлере составлял доктор Ганс Глобке. Шесть миллионов невинных жертв на его совести. Шесть миллионов погибли, а доктор Ганс Глобке – правая рука канцлера Аденауэра, он распределяет деньги на пропаганду.

Когда гитлеровцы вторглись в Голландию, другой «доктор», а именно доктор Герман Конриг, был назначен правительственным комиссаром Нидерландов. За каждым его движением следили в ужасе Анна Франк и ее родители. Как наказан доктор Герман Конриг за слезы и за кровь Анны Франк? Он теперь депутат бундестага, член правительственной христианско-демократической фракции. Я повторяю: не на чердаке, не в щели, а в парламенте ФРГ!

Анна была в пересыльном лагере Вестерборк. Там формировали эшелоны обреченных. Концлагерь Вестерборк был подвластен эсэсовцу Альберту Конраду Гемеккеру, который в настоящее время проживает в Дюссельдорфе. В этом городе судили сторонников мира. Начальников концлагерей в этом городе не судят; и Альберт Конрад Гемеккер на старости занялся коммерцией.

Освенцим работал на химический трест ИГ, а трест ИГ в свою очередь работал на Освенцим – поставлял удушающий газ «Циклон». Я был на Нюрнбергском процессе, там много об этом говорили. Связь между командованием СС и «промышленностью» Освенцима поддерживал ближайший советник Гимmlера Карл Вольф. В Освенциме погибли мать Анны и первая любовь Анны – Петер. Карл Вольф спокойно доживает дни в прелестной вилле на берегу идиллического озера. Главный инженер Освенцима Макс Фауст работает в тресте ИГ и наслаждается жизнью.

Мораль ясна; можно безнаказанно в середине XX века убивать стариков, детей, травить людей ядовитыми газами, потом вовремя промолчать, переждать, чтобы пятнадцать лет спустя с удовлетворением увидеть, как маршируют молодые кандидаты в палачи, в народоубийцы.

Анна Франк признавалась, что ее мало интересует политика. Она не играла ни в трибунал, ни в парламент. Ей хотелось жить. Она мечтала о любви, она была бы хорошей матерью. Ее убили.

Ее дневник напоминает всем о совершенном преступлении, предупреждает: нельзя допустить, чтобы это повторилось!

Миллионы читателей знают Анну Франк, как будто видели ее у себя. Шесть миллионов ни в чем не повинных людей погибли. Один чистый, детский голос живет: он оказался сильнее смерти.

Илья Эренбург

Предисловие к голландскому изданию

Могут спросить, нуждается ли в предисловии эта книга, являющаяся именно тем, на что претендует, – дневником «нормального» ребенка, проделывающего в необычных обстоятельствах путь становления человека.

В восьмидесятих годах прошлого столетия Париж и весь остальной мир, интересовавшийся французской культурной жизнью, были повергнуты в смятение другим «детским» дневником. Он принадлежал русскому вундеркинду Марии Башкирцевой, девочке, выросшей в беспокойной великосветской среде путешествующего русского дворянства, которое в те годы обычно населяло крупные отели Баден-Бадена, Рима, Парижа и Ривьеры; цветку орхидеи, взлелеянному в оранжерейном тепле, ребенку, с колыбели изнеженному роскошью, белоснежными мехами, кружевами, шелками и избалованному любовным вниманием и восхищением окружающих, озабоченных великим будущим девочки: будущим певицы, художницы, писательницы или блестящей светской дамы. Первые осмысленные воспоминания Марии Башкирцевой озарены розовым светом восходящей славы или – пожалуй, следовало бы сказать – лучами прожекторов, и уже на двенадцатом году своей жизни она с поразительной и почти пугающей тщательностью фиксирует в дневнике этапы собственного пути навстречу известности, все, что последующие поколения могли бы найти примечательного в юности знаменитой женщины. И когда молодая, двадцатичетырехлетняя будущая художница стала ощущать дыхание приближающейся смерти, она заторопилась с изданием своего дневника.

«К чему лгать или рисоваться? Вполне понятно, конечно, что я испытываю желание (хотя и не питаю надежды) *остаться* на земле *подольше*, чего бы это ни стоило. Если не умру рано, то надеюсь остаться в памяти людей как великая художница. Но если мне суждено умереть молодой, я хочу, чтобы был издан мой дневник, который, быть может, окажется интересным... Когда меня уже не будет в живых, люди будут читать о моей жизни, которую я сама нахожу весьма примечательной... Если я умру, то внезапно, сраженная какой-нибудь болезнью... Вероятно, я не буду ничего знать о нависшей надо мной угрозе и ее будут от меня скрывать. А когда я уйду в мир иной, родственники станут рыться в ящиках моего стола, найдут дневник, прочтут и потом уничтожат, и скоро от меня ничего больше не останется, ничего, ничего. Это всегда ужасало меня. Жить такими честолюбивыми мечтами, страдать, плакать горькими слезами, бороться – и после всего этого единственный удел – забвение... забвение, как будто тебя никогда и не было на свете! Если даже мне не удастся прожить жизнь, достаточно долгую для того, чтобы прославиться, все равно мой дневник заинтересует... Ведь всегда интересно узнать о жизни женщины, описанной ею самой день за днем, без рисовки, словно дневник ни для кого на свете больше не предназначался... а я говорю все, все».

Вполне понятен и оправдан тот факт, что дневник Марии Башкирцевой, увидевший свет вскоре после ее трагической смерти, пользовался огромной популярностью. Этот дневник представляет собой целеустремленное и самоуверенное проявление индивидуализма и является феноменом, но феноменом хотя и передающим дух своего времени и раскрывающим честолюбие своего автора, но неспособным надолго приковать к себе внимание. Ибо чудеса не обладают привлекательностью: они могут изумлять, ошеломлять, производить сенсацию, но им не хватает притягательной силы, свойственной всему, что зарождается постепенно, растет, развивается и достигает зрелости.

А теперь об Анне Франк.

Тех, кто ждет от ее дневника «дива дивного», я вынуждена с самого начала разочаровать. Этот дневник не творчество вундеркинда.

«У меня странное чувство – я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы...

Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему другу* или *настоящей* подруге, другим это неинтересно».

Ничего необычного, не правда ли? Такие или примерно такие слова предпосылают ежегодно своим дневникам десятки тринадцати-четырнадцатилетних подростков, начинающих сознавать свое «я», свое обособление среди окружающего.

Но процитированная запись датирована 20 июня 1942 года. А 6 июля семья Анны встала перед суровым выбором, являвшимся уделом столь многих еврейских семей: либо явиться «по вызову» и быть, подобно безропотным овцам, угнанными, либо скрыться. Они предпочли последнее и вместе с еще одной семьей укрылись в замаскированном флигеле одного из зданий на Принсенграхт, где помещалась фирма господина Франка, переведенная им в Голландию в 1933 году накануне бегства семьи из Германии. Итак, перед нами «пространная» история подпольного существования. История того, как на весьма ограниченном пространстве, в нескольких комнатках и чердаке, должны были уживаться две семьи – восемь человек, восемь узников, обреченных на полупешот и осторожность и лишенных, если не считать незатейливых обязанностей по ведению домашнего хозяйства, каких-либо занятий, кроме... выискивания для себя занятия.

Естественно, что при столь необычных обстоятельствах в таком живом, смышленном, восприимчивом ребенке, как Анна Франк, переход от девочки к женщине, от подростка к взрослому человеку происходил ускоренными темпами. Отношение молодого, развивающегося индивида к внешнему миру, в нормальных условиях жизни характеризующееся более или менее многообразными и меняющимися связями, сведено здесь к предельно простой схеме, обусловившей развитие ее пытливого ума скорее вглубь, чем вширь. В постоянном проявлении своих симпатий и антипатий, в разногласиях и стычках, под пристальным взором семи любопытных глаз, словно с крупного плана кинокадра, буквально по часам росло умение ребенка разбираться в людях; вынужденный обстоятельствами самоанализ, постоянные поединки с самой собой и внутренними запретами непостижимо быстро развили самосознание девочки. На наших глазах совершается переход от «игры в дневник» к глубокому анализу не только внешних событий, но также собственных мечтаний и иллюзий, несложной тактики ее отношения к окружающим и превратностей ее судьбы, а также пересмотр ее прежних стремлений – *carpe diem*¹, – отречение от своих слишком красивых для обитательницы «убежища» девичьих мечтаний. Анна Франк постигает суровую жизненную мудрость – довольствуйся тем, что у тебя есть.

Замкнутость ли убежища или неясность будущего сделали этот дневник блестящим диалогом автора с самим собой, без мешающей и форсирующей мысли о читателях и даже без малейшего намека на лейтмотив Марии Башкирцевой – стремление понравиться, пусть даже в более высоком и более честном его проявлении, чем это обычно встречается в жизни. Достаточно хоть немного проштудировать современных психологов, чтобы убедиться, что юношеские годы оказывают огромное влияние на все наше отношение к жизни. Но вместе с тем многие, даже самые большие писатели постоянно стремятся обрисовать свой путь от детства до зрелости на основе ослабленных временем или проникнутых раздражением воспоминаний.

Дневник Анны Франк, написанный далеко еще не настоящей писательницей, – возможно, она и могла бы стать ею, но сколь бессмысленно теперь высказывать подобные предположения! – с такой чистотой, с такой точностью и бесстрашием перед кем или чем бы то ни было,

¹ Лови мгновение (лат.).

отражает пробуждение человеческой души, какое мы редко встречаем в воспоминаниях даже очень крупных писателей. Во взглядах Анны Франк на внешний мир и, что самое примечательное, на самое себя есть, несмотря на стремление к самоусовершенствованию, нечто от кандиловского прямодушия и аморальной беспристрастности, с которой дети в книге Хьюза «Сильный ветер на Ямайке» излагают свои наиболее романтические жизненные наблюдения.

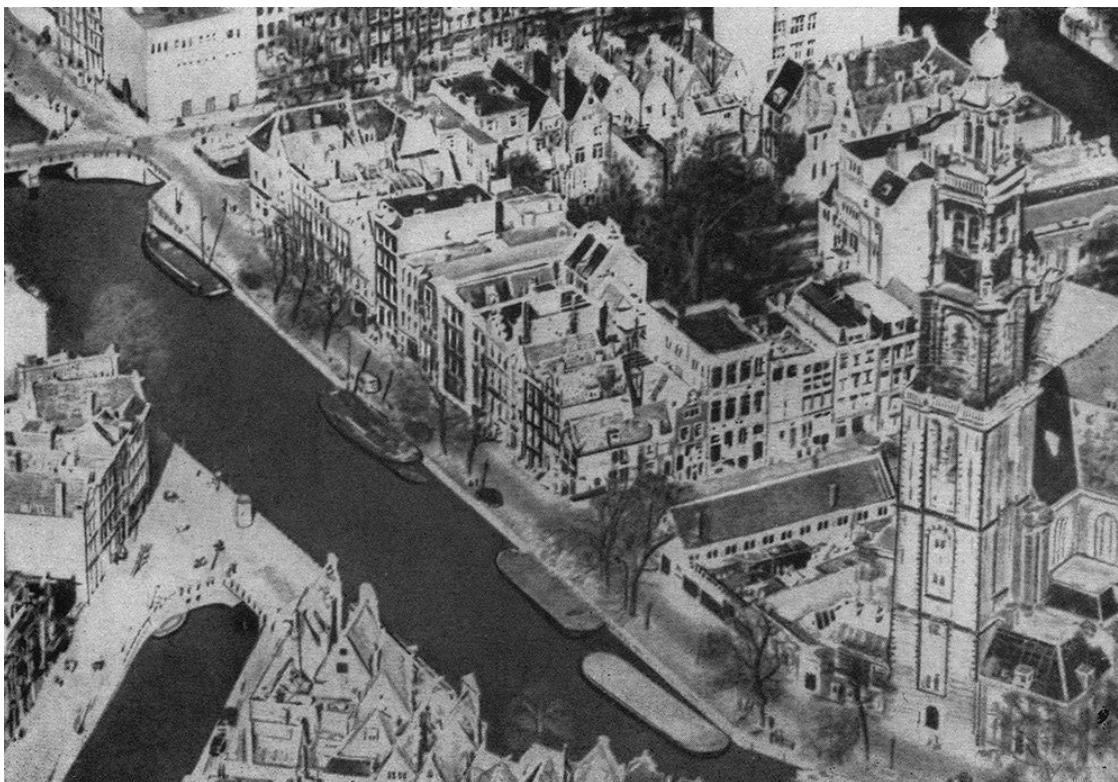
Но это еще не все, что можно сказать о дневнике Анны Франк. Он является документом войны, документальным свидетельством жестокости, с которой преследовались евреи, и горькой нищеты, на которую они были обречены в пору гонений, свидетельством готовности людей прийти на помощь ближнему, но также и совершить предательство, свидетельством способности человека приспосабливаться и оставаться неприспособленным. Маленькие радости, крупные и мелкие неурядицы подпольного существования с предельной непосредственностью, без претензии на литературность и поэтому превосходно описаны ребенком. И этот ребенок обладал важными качествами настоящего писателя: Анна умела сохранить непосредственность, она не могла свыкнуться с окружающими ее явлениями и тем самым не потеряла дара воспринимать их такими, какими они были.

При всем том, однако, самое значительное для меня в этом дневнике не документальная сторона, которая столь многократно была и будет отражена во многих других произведениях. Анна Франк напоминает мне молодое растение, переселенное из условий умеренного горного климата в условия знойной долины. Оно зацветает здесь буйно и пышно, чтобы затем безвременно погибнуть, как и Анна Франк, этот маленький смелый цветок, который расцвел за затемненными окнами убежища. Вот что трогает меня в дневнике.

Анни Ромейн-Ферсхор

Анна Франк

Общий вид квартала, где скрывалась семья Франк

12 июня 1942 г.

Надеюсь, что я все смогу доверить тебе, как никому до сих пор не доверяла, надеюсь, что ты будешь для меня огромной поддержкой.

Воскресенье, 14 июня 1942 г.

В пятницу я проснулась уже в шесть часов. И вполне понятно – был мой день рождения. Но мне, конечно, нельзя было вставать в такую рань, пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Но больше я не вытерпела, пошла в столовую, там меня встретил Маврик, наш котенок, и стал ко мне ласкаться.

В семь я побежала к папе с мамой, потом мы все пошли в гостиную и там стали развязывать и разглядывать подарки. Тебя, мой дневник, я увидела сразу, это был самый лучший подарок. Еще мне подарили букет роз, кактус и срезанные пионы. Это были первые цветы, потом принесли еще много.

Папа и мама купили мне кучу подарков, а друзья просто задарили меня. Я получила книгу «Камера обскура», настольную игру, много сладостей, головоломку, брошку, «Голландские сказки и легенды» Йозефа Коэна и еще дивную книжку – «Дэзи едет в горы» и деньги. Я на них купила «Мифы Древней Греции и Рима» – чудесные!

Потом за мной зашла Лиз и мы пошли в школу. Я угостила учителей и весь свой класс конфетами, потом начались уроки.

Пока все! Как я рада, что ты у меня есть!

Понедельник, 15 июня 1942 г.

В субботу после обеда праздновали мое рождение. Мы показали фильм «Сторож маяка» – с Рин-Тин-Тином. Картина моим подругам очень понравилась. Мы ужасно шалили

и веселились. Было много мальчиков и девочек. Мама всегда спрашивает, за кого бы я потом хотела выйти замуж. Она, наверно, очень удивилась бы, если б узнала, что я хочу выйти за Петера Весселя, потому что, когда она про него заговаривает, я и виду не подаю. Лиз Госсенс и Санну Хаутман я знаю сто лет, до сих пор они были самыми лучшими моими подругами. Потом я познакомилась в еврейской гимназии с Йоппи ван дер Ваал. Мы с ней много бываем вместе, и сейчас она моя лучшая подруга. Теперь Лиз больше дружит с другой девочкой, а Санна учится в другой школе, и у нее там свои подруги.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Несколько дней не писала, хотелось серьезно обдумать – зачем вообще нужен дневник? У меня странное чувство – я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы. Но не в этом дело. Мне просто хочется писать, а главное хочется высказать все, что у меня на душе.

«Бумага все стерпит». Так я часто думала в грустные дни, когда сидела, положив голову на руки, и не знала, куда деваться. То мне хотелось сидеть дома, то куда-нибудь пойти, и я так и не двигалась с места и все думала. Да, бумага все стерпит! Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему* другу или *настоящей* подруге, другим это неинтересно. Вот я и сказала главное, почему я хочу вести дневник: потому что у меня нет настоящей подруги!

Надо объяснить, иначе никто не поймет, почему тринадцатилетняя девочка чувствует себя такой одинокой. Конечно, это не совсем так. У меня чудные, добрые родители, шестнадцатилетняя сестра и, наверно, не меньше тридцати знакомых или так называемых друзей. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках даже ловят в зеркальце мою улыбку.

У меня много родственников, чудные дяди и тети, дома у нас уютно, в сущности у меня есть все – кроме подруги! Со всеми моими знакомыми можно только шалить и дурачиться, болтать о всяких пустяках. Откровенно поговорить мне не с кем, и я вся, как наглухо застегнутая. Может быть, мне самой надо быть доверчивей, но тут ничего не поделаешь, жаль, что так выходит.

Вот зачем мне нужен дневник. Но для того, чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду записывать в дневник одни только голые факты, как делают все, я хочу, чтобы эта тетрадка сама стала мне подругой – и эту подругу будут звать *Китти*!

Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу сначала свою биографию, хотя мне это и не очень интересно.

Когда мои родители поженились, папе было 36 лет, а маме – 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне, а 12 июня 1929 года появилась я. Мы евреи, и поэтому нам пришлось в 1933 году эмигрировать в Голландию, где мой отец стал одним из директоров акционерного общества «Травис». Эта организация связана с фирмой «Колен и К^о», которая помещается в том же здании.

У нас в жизни было много тревог – как и у всех: наши родные остались в Германии, и гитлеровцы их преследовали. После погромов 1938 года оба маминых брата бежали в Америку, а бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года. После сорокового года жизнь пошла трудная. Сначала война, потом капитуляция, потом немецкая оккупация. И тут начались наши страдания. Вводились новые законы, один строже другого, особенно плохо приходилось евреям. Евреи должны были носить желтую звезду, сдать велосипеды, евреям запрещалось ездить в трамвае, не говоря уж об автомобилях. Покупки можно было делать от трех до пяти и притом в специальных еврейских лавках. После восьми вечера нельзя было выходить

на улицу и даже сидеть в саду или на балконе. Нельзя было ходить в кино, в театр, – никаких развлечений! Запрещалось заниматься плаванием, играть в хоккей или в теннис, – словом, спорт тоже был под запретом. Евреям нельзя было ходить в гости к христианам, еврейских детей переводили в еврейские школы. Ограничений становилось все больше и больше.

Вся наша жизнь проходит в страхе. Йоппи всегда говорит: «Боюсь за что-нибудь братья – а вдруг это запрещено?»

В январе этого года умерла бабуся. Никто не знает, как я ее любила и как мне ее не хватает.

С 1934 года меня отдали в детский сад при школе Монтессори, и потом я осталась в этой школе. В последний год моей классной воспитательницей была наша начальница госпожа К. В конце года мы с ней трогательно прощались и обе плакали навзрыд. С 1941 года мы с Марго поступили в еврейскую гимназию: она – в четвертый, а я – в первый класс.

Пока что нам, четверым, живется неплохо. Вот я и подошла к сегодняшнему дню и числу.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Милая Китти!

Начинаю письмо сразу. Сейчас все тихо и спокойно. Мама с папой ушли, Марго у подруги играет в пинг-понг. Я тоже в последнее время играю с удовольствием. Нам, пинг-понгистам, всегда ужасно хочется мороженого, особенно летом, поэтому каждая игра обычно кончается походом в какую-нибудь кондитерскую, куда можно ходить евреям, – в «Дельфи» или «Оазис». Мы не заботимся, есть ли у нас деньги или нет. Там всегда полно знакомых и среди них непременно найдется какой-нибудь добрый дядюшка или поклонник, и нам со всех сторон предлагают столько мороженого, что за неделю не съесть!

Ты, наверно, удивляешься, что я в мои годы уже говорю о поклонниках. К сожалению, в нашей школе это – неизбежное зло. Как только кто-нибудь из мальчиков спрашивает, можно ли ему проводить меня домой на велосипеде, я знаю наперед, что вышеупомянутый юнец влюблен в меня по уши и не отстанет ни на шаг. Постепенно он остывает, особенно если я не обращаю внимания на его влюбленные взгляды и весело кручу педали. Когда он мне надоест, я нарочно вихляю рулем, моя сумка падает и молодой человек из приличия должен соскочить и поднять ее. Пока он довезет до меня сумку, он успокаивается. Это еще самое безобидное, а бывают и такие, которые посылают воздушные поцелуи и вообще начинают приставать. Но не на ту напали! Я слезаю с велосипеда и говорю, что мне его общество не подходит, а иногда делаю вид, что обиделась, и гоню его домой.

Ну вот, фундамент нашей дружбы заложен! До завтра, Китти!

Анна.

Воскресенье, 21 июня 1942 г.

Милая Китти!

Весь наш класс трясется от страха: скоро педагогический совет! Полкласса держит пари – кого переведут, кто останется на второй год. Мип де Йонг и я хохочем до слез над нашими соседями, они проспорили все карманные деньги: переведут – нет, останешься – нет, переведут... И так с утра до вечера! Не помогают ни умоляющие взгляды Мип, ни мои энергичные воспитательные меры – их никак не образумишь. Если б моя воля, я бы оставила на второй год полкласса – такие это лентяи! Но учителя – народ капризный, правда, может, это нам на пользу.

У меня со всеми учителями и учительницами отношения хорошие. У нас их девять – семь мужчин и две женщины. Господин Кепплер, наш старый математик, одно время на меня злился, потому что я много болтаю. Он мне читал нотации, а потом задал мне в наказание работу – сочинение на тему «Болтуня». Гм-гм... «Болтуня»... Ну что тут напишешь? Но я не стала ломать голову, сунула тетрадь с задачами в сумку и попробовала молчать. А вечером,

когда все уроки были сделаны, я вспомнила про сочинение. Грызла ручку и обдумывала эту тему. Написать что попало, лишь бы разогнать строчки пошире, – это каждый может. А вот найти неоспоримые доказательства в пользу болтовни – это искусство! Я думала, думала – и вдруг меня осенило; я исписала одним духом заданные три страницы, и вышло очень хорошо! Я доказывала, что болтовня – женская привычка и что я, конечно, постараюсь сдержаться, но что моя мама говорит не меньше меня, а против наследственности, к сожалению, бороться очень трудно.

Господин Кеплер очень смеялся над моими объяснениями. Но когда я на его уроке опять стала болтать, он задал мне второе сочинение, на этот раз оно называлось «Неисправимая болтунья». Я и это ему написала и на двух уроках вела себя безукоризненно. А на третьем моя болтовня опять вывела его из себя; и вот Анне снова задано сочинение: «Кряк-кряк, мамзель Утка!» Весь класс заливался! Я тоже смеялась, хотя больше ничего про болтовню придумать не могла. Надо было найти что-нибудь новое, оригинальное. Моя подруга Санна, замечательная поэтесса, посоветовала мне написать стихи и вызвалась помочь. Я была в восторге. Пускай Кеплер меня дразнит, я ему отплачу, он у меня будет посмешищем всего класса!

Стихи получились дивные, успех потрясающий! Там было про маму-утку и папу-селезня и про трех утят, которых папа заклевал насмерть за то, что они слишком много кричали. К счастью, Кеплер понял шутку и прочел стихи в нашем классе и в других классах тоже, да еще с объяснениями. С этих пор я могу болтать сколько влезет и никаких штрафных работ! Правда, Кеплер все надо мной подшучивает.

Анна.

Среда, 24 июня 1942 г.

Милая Китти!

Невыносимо жарко. Все отдуваются, пыхтят и потеют в этом пекле, а тут еще приходится бегать пешком. Только теперь я оценила, какая хорошая штука – трамвай, особенно открытые вагоны. Но это – запретный плод для нас, евреев. Только и остается, что бегать на своих на двоих. Вчера мне надо было к зубному врачу на Ян-Люкенстраат, во время перерыва на завтрак. Это довольно далеко от нашей школы, идти надо было мимо городского сада. Я так устала, что на последних уроках чуть не заснула. Хорошо еще, что по дороге встретилось много добрых людей, они сами предлагали мне воды. Ассистентка у зубного врача очень славная, внимательная.

Мы можем пользоваться только перевозом – и все. Это маленький катер, он идет от Йозе-физраэльскаде, и перевозчик сразу перевез нас, как только мы попросили. Голландцы, безусловно, не виноваты, что нам так плохо.

Если б только не ходить в школу! На пасху украли мой велосипед, а мамин папа отдал на хранение знакомым. К счастью, скоро каникулы, еще неделя – и конец мучениям.

Вчера днем случилось что-то очень приятное. Когда я проходила мимо того места, где обычно стоял мой велосипед, меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела очень симпатичного мальчика, с которым я познакомилась накануне у моей школьной подруги Евы. Он немножко стеснялся, назвал свое имя: Гарри Гольдберг. Я удивилась – не понятно, что ему было нужно. Но скоро все выяснилось: он хотел проводить меня в школу. «Если тебе по дороге, пойдем», – ответила я, и мы пошли вместе. Гарри уже 16 лет, и он очень мило рассказывает всякие истории. Утром он опять ждал меня, очевидно, теперь так и пойдет.

Анна.

Вторник, 30 июня 1942 г.

Милая Китти!

До сегодняшнего дня мне было совсем некогда писать. В четверг провела весь день у знакомых. В пятницу к нам пришли гости, и так – до сегодняшнего дня. За эту неделю мы с Гарри подружились. Он мне много рассказал о себе. Сюда, в Голландию, он приехал один, тут у него дедушка и бабушка, а родители – в Бельгии.

Раньше он дружил с девочкой Фанни. Я ее тоже знаю. Она – образец кротости и скуки. С тех пор как Гарри со мной познакомился, он понял, что с Фанни ему скучно до одури. Я его, как видно, развлекаю. Никогда не знаешь, на что согласишься!

В субботу у меня ночевала Йоппи. Но в воскресенье она ушла к Лиз, и я скучала смертельно.

Вечером Гарри должен был прийти ко мне. В шесть он позвонил:

«Говорит Гарри Гольдберг. Можно позвать Анну?»

«Да, Гарри, это я».

«Добрый вечер, Анна. Как поживаешь?»

«Спасибо, хорошо».

«К сожалению, я сегодня не могу прийти. Но мне хочется с тобой поговорить. Можешь выйти ко мне через десять минут?»

«Хорошо, я выхожу».

Я поскорее переоделась и немножко поправила волосы. Потом стояла у окна и волновалась. Наконец он пришел. Чудо из чудес – я не помчалась с лестницы стремглав, а спокойно ждала, пока он позвонит. Тогда я спустилась вниз, и он сразу начал:

«Слушай, моя бабушка считает, что ты для меня слишком молода. Она говорит, что мне надо бывать у Лурсов. Она, должно быть, поняла, что я не хочу видеться с Фанни».

«Почему, разве вы в ссоре?»

«Нет, наоборот, но я сказал Фанни, что мы разные люди и поэтому мне не хочется проводить с ней много времени. Но пусть она ходит к нам в гости, а я буду бывать у них. А потом я думал, что Фанни дружит с другими мальчиками. Оказывается, это неправда, и теперь дядя говорит – ты должен перед ней извиниться. А я не хочу. Поэтому я решил с ней больше не встречаться. А бабушка хочет, чтобы я бывал у Фанни, а не у тебя, но я и не подумаю! У стариков бывают какие-то устарелые представления. Но мне с ними считаться нечего. Конечно, я завишу от бабушки, но и она отчасти от меня зависит. По средам я свободен, и дед с бабушкой думают, что я хожу на уроки лепки, а на самом деле я бываю на сионистских собраниях. Мы – не сионисты, но мне просто интересно про них знать. Хотя в последнее время мне там что-то не нравится, и больше я туда ходить не буду. Значит, мы можем с тобой видеться в среду и в субботу днем и вечером, и в воскресенье вечером, а может быть, даже чаще».

«Но если твоя бабушка и дед не хотят, зачем тебе бывать у меня против их воли?»

«Для любви нет препятствий».

Мы завернули за угол, около книжной лавки – и там стоял Петер Вессель с двумя товарищами. Я его увидела в первый раз после каникул и страшно обрадовалась.

Мы с Гарри обошли весь квартал несколько раз и в конце концов договорились, что завтра вечером, без пяти семь, я буду ждать у его дома.

Анна.

Пятница, 3 июля 1942 г.

Милая Китти!

Вчера Гарри пришел к нам – познакомиться с моими родителями. Я купила торт, конфет и кекс. Мы пили чай, но нам с Гарри стало скучно сидеть дома. Мы ушли гулять, и в десять минут девятого он проводил меня домой. Отец страшно сердился, что я вернулась так поздно. Евреям очень опасно появляться на улице после восьми вечера, и я обещала всегда приходить домой без десяти восемь.

Назавтра меня пригласили к Гарри. Моя подруга Йоппи вечно меня дразнит им. Но я вовсе не влюблена в него. Разве нельзя иметь друга? Нет ничего дурного в том, что у меня есть друг или, как говорит мама, кавалер. Ева мне рассказала, что Гарри недавно был у нее и она его спросила: «Кто тебе больше нравится – Фанни или Анна?» А он сказал: «Не твое дело!» Больше они об этом не разговаривали, а когда он уходил, он сказал: «Конечно, Анна – только ты никому не говори». И сразу убежал.

Я замечаю, что Гарри ужасно в меня влюблен, и для разнообразия мне это даже нравится. Марго сказала о нем: «Гарри – славный малый». По-моему, тоже и даже больше. Мама от него в восторге. «Красивый мальчик, очень мил, хорошо воспитан». Я рада, что Гарри понравился всему нашему семейству и ему они тоже очень нравятся. Только мои подруги кажутся ему совершенными детьми – и тут он прав.

Анна.

Воскресенье, 5 июля 1942 г.

Годовой акт в пятницу прошел отлично – нас перевели. У меня совсем неплохие отметки. Только одно «плохо», по алгебре – пять, потом – две шестерки, а остальные все – семерки и две восьмерки². Дома все очень довольны. Мои родители непохожи в этом на других. Им неважно – плохие или хорошие у меня отметки, им гораздо важнее, чтобы я «прилично» себя вела, была здоровая и веселая. Лишь бы тут все было в порядке, остальное приложится. Но мне все же хотелось бы хорошо учиться. Меня, в сущности, в гимназию приняли условно, потому что я не прошла последний класс школы Монтессори. Но так как всем еврейским детям надо было переходить в еврейские гимназии, директор принял меня и Лиз, правда, условно, после долгих переговоров. Мне не хочется его разочаровывать. Моя сестра Марго тоже получила свой табель – как всегда, блестящий. Если бы давали награды, она, наверно, перешла бы с похвальной грамотой – такая умница!

Отец в последнее время много бывает дома, ему нельзя ходить в контору. Ужасное чувство – вдруг оказаться лишним! Господин Коопхойс принял от него «Травис», а господин Крайлер – фирму «Колен и К°», в которой отец тоже был компаньоном.

На днях, когда мы с отцом гуляли, он заговорил со мной об «убежище». Сказал, что нам было бы очень тяжело жить отрезанными от всего мира. Я спросила, почему он об этом заговорил.

«Ты знаешь, – сказал он, – что мы уже больше года прячем у знакомых одежду, мебель и продукты. Мы не хотим оставить немцам наше имущество, а тем более – попасться им в руки. Поэтому мы сами уйдем, не дожидаясь, пока нас заберут».

Мне стало страшно, такое серьезное лицо было у папы.

«А когда?»

«Об этом не думай, детка. Придет время – узнаешь. А пока можно – пользуйся свободой». И все. Ах, если бы этот день был далеко-далеко!

Анна.

Среда, 8 июля 1942 г.

Милая Китти!

Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось, как будто земля перевернулась! Но, Китти, как видишь, я еще живу, а это, по словам папы, – самое главное.

Да, я живу, только не спрашивай, как и где. Наверно, ты меня сегодня совсем не понимаешь. Придется сначала рассказать тебе все, что произошло с воскресенья.

² В голландских школах – десятибалльная система.

В три часа – Гарри только что ушел и хотел скоро вернуться – вдруг раздался звонок. Я ничего не слыхала, уютно лежала в качалке на веранде и читала. Вдруг в дверях показалась испуганная Марго. «Анна, отцу прислали повестку из гестапо, – шепнула она. – Мама уже побежала к ван Даану». (Ван Даан – хороший знакомый отца и его сослуживец.)

Я страшно перепугалась. Повестка... все знают, что это значит: концлагерь... Передо мной мелькнули тюремные камеры – неужели мы позволим забрать отца! «Нельзя его пускать!» – решительно сказала Марго. Мы сидели с ней в гостиной и ждали маму. Мама пошла к ван Даанам, надо решить – уходить ли нам завтра в убежище. Ван Дааны тоже уйдут с нами – нас будет семеро. Мы сидели молча, говорить ни о чем не могли. Мысль об отце, который, ничего не подозревая, пошел навестить своих подопечных в еврейской богадельне, ожидание, жара, страх – мы совсем онемели.

Вдруг звонок. «Это Гарри!» – сказала я. «Не открывай!» – удержала меня Марго, но страх оказался напрасным: мы услышали голоса мамы и господина ван Даана, они разговаривали с Гарри. Потом он ушел, а они вошли в дом и заперли за собой двери. При каждом звонке Марго или я прокрадывались вниз и смотрели – не отец ли это. Решили никого другого не впускать.

Нас выслали из комнаты. Ван Даан хотел поговорить с мамой наедине. Когда мы сидели в нашей комнате, Марго мне сказала, что повестка пришла не папе, а ей. Я еще больше испугалась и стала горько плакать. Марго всего шестнадцать лет. Неужели они хотят высылать таких девочек без родителей? Но, к счастью, она от нас не уйдет. Так сказала мама, и, наверно, отец тоже подготавливал меня к этому, когда говорил об убежище.

А какое убежище? Где мы спрячемся? В городе, в деревне, в каком-нибудь доме, в хижине – когда, как, где? Нельзя было задавать эти вопросы, но они у меня все время вертелись в голове.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в наши школьные сумки. Первым делом я взяла эту тетрадку, потом что попало: бигуди, носовые платки, учебники, гребенку, старые письма. Я думала о том, как мы будем скрываться, и совала в сумку всякую ерунду. Но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.

В пять часов наконец вернулся отец. Он позвонил господину Коопхойсу и попросил вечером зайти. Господин ван Даан пошел за Мип. Мип работает в конторе у отца с 1933 года, она стала нашим верным другом, и ее новоиспеченный муж, Хенк, тоже. Она пришла, уложила башмаки, платья, пальто, немного белья и чулок в чемодан и обещала вечером опять зайти. Наконец у нас стало тихо. Есть никто не мог. Все еще было жарко и вообще как-то странно и непривычно.

Верхнюю комнату у нас снимает некий господин Гоудсмит, он разведен с женой, ему лет тридцать. Видно, в это воскресенье ему нечего было делать, он сидел у нас до десяти, и никак нельзя было его выжить.

В одиннадцать пришли Мип и Хенк ван Сантен. В чемодане Мип и в глубоких карманах ее мужа снова стали исчезать чулки, башмаки, книги и белье. В половине двенадцатого они ушли, тяжело нагруженные. Я устала до полусмерти, и, хотя я знала, что сплю последнюю ночь в своей кровати, я тут же заснула. В половине шестого утра меня разбудила мама. К счастью, было не так жарко, как в воскресенье. Весь день накрапывал теплый дождик. Мы все четверо столько на себя надели теплого, будто собирались ночевать в холодильнике. Но нам надо было взять с собой как можно больше одежды. В нашем положении никто не отважился бы идти по улице с тяжелым чемоданом. На мне было две рубашки, две пары чулок, три пары трико и платье, а сверху – юбка, жакет, летнее пальто, потом мои лучшие туфли, ботики, платок, шапка и еще всякие платки и шарфы. Я уже дома чуть не задохнулась, но всем было не до этого.

Марго набила сумку учебниками, села на велосипед и поехала за Мип в неизвестную мне даль. Я еще не знала, в каком таинственном месте мы будем прятаться... В семь часов тридцать минут мы захлопнули за собой двери. Единственное существо, с которым я простилась,

был Маврик, мой любимый котенок, его должны были приютить соседи. Об этом мы оставили записочку господину Гоудсмиуту. На кухонном столе лежал фунт мяса для кота, в столовой не убрали со стола, постели мы не оправили. Все производило впечатление, будто мы бежали сломя голову. Но нам было безразлично, что скажут люди. Мы хотели только уйти и благополучно добраться до места. Завтра напишу еще!

Анна.

Четверг, 9 июля 1942 г.

Милая Китти!

Так мы бежали под проливным дождем: отец, мама и я, у каждого портфель и хозяйственная сумка, до отказа набитые чем попало.

Рабочие, которые рано шли на работу, смотрели на нас сочувственно. По их лицам было видно, что они огорчены за нас и им нас жалко, потому что мы должны тащить такую тяжесть на себе, а сесть в трамвай не можем. Все видели желтую звезду, и этого было достаточно.

По дороге родители мне подробно рассказали, как возник план бегства. Уже много месяцев они переносили в безопасное место часть нашей обстановки и одежды. Все было подготовлено, и шестнадцатого июля мы должны были скрыться. Но повестка пришла на десять дней раньше, и надо было мириться с тем, что помещение еще не совсем подготовлено. Убежище находится в конторе отца. Посторонним это понять трудно. Придется объяснить подробнее. У отца всегда было мало служащих: господин Кралер, господин Коопхойс, Мип и Элли Воссен, двадцатитрехлетняя стенографистка. Все они знают, где мы будем. Не посвящен только господин Воссен, отец Элли, который работает на складе, и два его подручных.

План дома такой: в первом этаже – большой склад, он же экспедиция. Рядом с дверью на склад – входная дверь, двойная, которая ведет на небольшую лесенку. Если по ней подняться, то окажешься перед дверью с матовым стеклом, на нем черными буквами написано: «Контора». Это и есть главная контора, очень большая, очень светлая, где много народу. Днем там работают Мип, Элли и господин Коопхойс. Через проходную комнату, где стоит много шкафов, большой буфет и несгораемый шкаф,ходишь в темноватый кабинет, где раньше сидели господин Кралер и господин ван Даан, а теперь остался только господин Кралер. Из коридора тоже есть вход прямо в этот кабинет, через стеклянную дверь, которую можно открыть изнутри, а снаружи нельзя.

Из кабинета Кралера по коридору поднимаешься на четыре ступеньки иходишь в лучшую комнату конторы – директорский кабинет. Там темная, солидная мебель, линолеум покрыт ковром, стоит радиоприемник, красивые, нарядные лампы, словом, шикарно! Рядом – большая поместительная кухня с «титаном» и двумя газовыми конфорками. Дальше – уборная. Это все в первом этаже.

Из длинного коридора деревянная лестница ведет наверх, в прихожую, которая переходит в коридор. Направо и налево – двери. Левая ведет на склад и в кладовые, с мансардой и чердаком, – это помещение занимает переднюю часть дома. С другой стороны здания есть еще длинная, ужасно крутая, настоящая голландская лестница, она ведет ко второму выходу на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.